

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ИЗДАНИЙ

КОРТЛАНДТ Ф.

ВОСЕМЬ ИНДО-УРАЛЬСКИХ ГЛАГОЛОВ?

Карой Реден [1] перечисляет 64 слова, предположительно представляющих собой ранние заимствования из индоевропейского в уральский. Этот материал разделен на три группы: 7 прауральских (ПУ) этимологий, 18 финно-угорских (ФУ) этимологий и 39 финно-пермских (ФП) и финно-волжских (ФВ) этимологий. Источник заимствований обозначен как «доарийский» для ПУ слов, как «доарийский или раннепраарийский» и «праарийский» для ФУ слов и как относящийся к разным стадиям от «раннепраарийского» до «праиранского» для ФП и ФВ лексики [1, с. 26]. По ряду причин такая трактовка вызывает сомнения.

Во-первых, трудно определить место и время предполагаемого заимствования слов из и.-е. в прауральский. Индоевропейцев, вероятно, можно идентифицировать с носителями среднестоговской культуры рубежа V—IV тыс. до н. э. в восточной части Украины (ср. [2, 3]). Это вступает в противоречие с идеей непосредственного заимствования из и.-е. в прауральский: «Достоверным, во всяком случае, представляется то, что в IV тысячелетии до н. э. предки финно-угров и самодийцев жили на восточной стороне Урала» [4, с. 50]. Наиболее ранние контакты между и.-е. и уральскими языками следует, очевидно, связывать с восточной экспансией «доарийской или раннепраарийской» ямной культуры около 3000 г. до н. э. и с одновременным распространением на юго-запад финно-угорской урало-камской неолитической культуры. Даже если локализовать уральскую прародину к западу от Уральских гор, ранние заимствования все равно могли проникнуть только от населения самарской и хвалынской культур в Среднем Поволжье. Хотя можно представить себе, что языки этого населения были генетически родственны и.-е. (или же уральскому), но их невозможно отождествить с языком носителей среднестоговской культуры.

Во-вторых, число глаголов в древней части материала слишком велико для того, чтобы согласовываться с гипотезой о заимствовании: их 3 среди 7 слов первой группы (43%), 5 из 18 (28%) во второй группе и 2 из 39 (5%) в третьей группе. Более того, этимологии обоих глаголов из третьей группы сомнительны. Глагол **kara-* «рыть» [1, с. 51] засвидетельствован только в волжских языках (мордовском и марийском). Соответствующие слова в пермских языках (удмуртском и коми), а также в обско-угорском (хантыйский) требуют реконструкции **kuz-*, которая несовместима как с волжскими формами, так и с предполагаемым (индо-)иранским источником. Глагол **niða-* «прикрепить, приклеить, связать» [1, с. 53] представлен только в финно-волжских языках (например, фин. *nito-*). К. Ре-

ден и сам сомневается в том, связан ли он с скр. *nāhyati* «связывает» («Zufälliger Gleichklang?»). Если исключить эти два случая из перечня, то присутствие восьми глаголов в более древней части материала становится еще более примечательным.

В-третьих, выведение ПУ форм из их предполагаемых индоевропейских источников сопряжено с немалыми формальными трудностями. Вкратце коснемся здесь четырех существительных первой группы [1, с. 40—43].

ПУ **nīme* «имя»: фин. *nimi*, морд. *l'em*, удм. и коми *ñim*, хант. *net*, венг. *név*, иганасан. *ñim* и т. д. И.-е. слово должно реконструироваться в виде **H₂neH₂mn*, лат. *pōmen*, хетт. *lāman*, скр. *nāma*, арм. *anin*, с косвенной основой **H₂nH₂men-*, греч. *ónoma*, др.-ирл. *ainm*, др.-прус. *emmen*, русск. *имя*, алб. *emër* [5, с. 42; 6, с. 63]. Единственным из и.-е. языков, имеющим передний гласный в данном корне, является тохарский: тох. А *ñom*, В *ñem* указывают на реконструкцию **nēm* с делабиализацией второго ларингала. Но даже эта форма не объясняет наличия узкого переднего гласного в уральском: он может отражать исходный индо-уральский вокализм.

ПУ **sgne* (**sōne*) «вена, жила»: фин. *suoni*, морд. *san*, удм. и коми *sen*, венг. *ín*, иганасан. *taŋ* и т. д. Это слово сравнивается с и.-е. **sneH₁ur*, косв. *-en-*, скр. *snāva*, тох. В *šñor*, арм. *neard*, греч. *neĩrcn*. И в этом случае и.-е. формы не объясняют уральский вокализм, который может быть исходным, если данные слова действительно связаны между собой (вне зависимости от того, представляет ли собой и.-е. слово производное от корня **sneH₁-*). Не решает проблем и сравнение с англ. *sinew* из **sH₁inu-*. Фактически оно даже менее удачно, так как значение последнего слова — результат собственно германской инновации.

ПУ **waške* «какой-то металл, ? медь»: фин. *vaski*, морд. *uške*, *viškä*, удм. *veš*, венг. *vas*, иганасан. *basa* и т. д. Это единственное «культурное» слово в группе. Его можно сравнить с тох. А *wäs*, В *yasa* «золото», указывающими на более раннюю форму **wesa*. Последняя не может быть отождествлена с лат. *aurum*, литов. *auksas* и, кроме того, не объясняет вокализм в уральском. Гораздо более вероятно, что тохарское слово было заимствовано из самод. **wesä* [7, с. 120].

ПУ **wete* «вода»: фин. *vesi*, морд. *ved'*, удм. *vu*, венг. *víz*, иганасан. *bē?*, *beda-*, и т. д. В и.-е. *e*-огласовка засвидетельствована в хетт. косв. *weten-*, фриг. *bedu*, арм. *get*, а также в германских и славянских производных. Если это слово действительно было заимствовано в уральский, то заимствование должно было произойти чрезвычайно рано. Но слово явно не относится к числу легко заимствуемых, и и.-е. формы выглядят скорее как производные от (индо-)уральского слова.

С учетом всего этого мы должны принять во внимание возможность трактовки восьми глаголов в первой и второй группах у Редии как праиндо-уральского наследия. Ниже приводится краткое изложение соответствующего материала (ср. [1, с. 40—48]).

ПУ **miye-* «дать, продать»: фин. *myu-*, *myö-*, морд. *mije-*, манс. *mā(j)-*, *mi-*, *maj-*, энецк. *miže-*; и.-е. **mei-*: скр. *mināti* «обменивает», лтш. *mīt*.

ПУ **muške-* (**moške-*) «мыть»: эст. *mōške-*, морд. *muške-*, *muško-*, удм. *mišk-*, венг. *mos-*, энецк. *masua-*; и.-е. **mesg-*: скр. *mājjati* «погружается», лат. *mergere*, литов. *mazgōti* «мыть».

ПУ **toye-* «принести, дать»: фин. *tuo-*, морд. *tuje-*, хант. *tu-*, ненецк. *tā-*; и.-е. **deH₃-*: скр. *dādāti* «дает», хетт. *dā-* «взять».

ФУ **aja-* «гнать, охотиться»: фин. *aja-*, коми *voj-*, манс. *wujt-, woft-*; и.-е. **H₂eg-*: скр. *ājati* «гонит», лат. *agere*.

ФУ **kan-* «рассыпать, бросать, рыть»: коми *kundi-*, хант. *kij-*, манс. *kōn-*, венг. *hány-*; и.-е. **kH₂en-*: скр. *khānati* «роет».

ФУ **teke-* «делать»: фин. *teke-*, морд. *t'eje-, t'ije-*, венг. *tē(v)-, tész-*; и.-е. **dheH₁-*: скр. *dādhāti* «кладет», хетт. *dāi-*, лат. *facere*.

ФУ **wetä-* «вести, тянуть»: фин. *vetä-*, морд. *ved'a-, vet'a-, vit'i-, väd'a-, vāt'e-*, венг. *vezet-*; и.-е. **uedh-*: др.-ирл. *fedid* «ведет», литов. *vėsti*.

ФУ **wiye-* «брат, нести»: фин. *vie-*, морд. *vije-*, удм. и коми *vaj-*, венг. *vi(v)-, visz-, vė(v)-, vész-*; и.-е. **uegh-*: скр. *vāhati* «несет, везет», лат. *vehere*, литов. *vėžti*.

За исключением скр. *khānati*, все и.-е. слова являются базисными глаголами с безупречными этимологиями. Это серьезный аргумент против гипотезы о заимствовании и в пользу исходного генетического родства. В другой своей работе [3] я изложил возможное представление об и.-е. как о языке уральского типа, трансформировавшемся под воздействием кавказского субстрата. Развивая эту идею, я предположительно реконструирую праиндо-уральские основы **miye-*, **muske-*, **tagu-*, **gaki-*, **kkan-*, **deka-*, **weda-*, **wige*¹.

Высказывалось мнение, что малочисленность индо-уральских этимологий позволяет думать о заимствовании, а не о генетическом родстве (например [1, с. 10, 20]). Мне трудно понять подобную логику. Имея дело с отдаленным родством, мы не можем рассчитывать на обнаружение большого числа очевидных лексических соответствий: это противоречило бы самой идее отдаленного родства. Рассчитывать можно на обнаружение морфологических соответствий и нескольких общих элементов в базисной лексике. Полагаю, что именно так и обстоит дело в случае с индоевропейским и уральским². Сторонники альтернативной гипотезы (предполагающей заимствование перечисленных выше глаголов из индоевропейского в уральский) сталкиваются с двумя непреодолимыми трудностями. Во-первых, им следует объяснить обилие базисных глаголов среди древнейших заимствований. Во-вторых, их гипотеза оставляет без объяснения отличия в вокалической огласовке уральских слов, например, в случаях с **nime*, **miye-*, **wiye-* в отличие от **wete*, **teke-*, **wetä-*. Поэтому мне представляется, что бремя представления доказательств лежит сейчас на оппонентах индо-уральской теории.

¹ Таким образом, я предполагаю, что и.-е. ларингалы развились из велярных согласных в соседстве с гласными заднего ряда, т. е. так же, как юкатир. *h-* [8, с. 168] и увулярные согласные в тюркских и монгольских языках.

² К. Уленбек [9, с. 9] проводит разграничение двух компонентов и.-е. праязыка, которые он называет А и Б. Первый из этих компонентов включает местоимения, глагольные корни и деривационные суффиксы, и он может быть сопоставлен с уральским материалом, в то время как второй компонент содержит отдельные слова — например, числительные и большинство непроезводных имен, — которые связаны с другим источником. Такой подход является слишком упрощенным, поскольку можно найти хорошие уральские этимологии для некоторых слов из компонента Б (например, фин. *käly* «золовка, невестка, свояченица» при греч. *gálōs*, русск. *золовка*), но в своей основе подобное разграничение представляется правильным. Широкое распространение и.-е. числительных обусловлено, видимо, развитием торговли за счет повышенной мобильности, явившейся главной причиной экспансии индоевропейцев. Числительные не входят в состав базисной лексики неолитической культуры, о чем свидетельствует и отсутствие их в прауральском, и распространение китайских числительных по всей Восточной Азии (см. также [8, с. 113; 10, с. 369] о швед. *kast* «4», *val* «80», датск. *snæs* «20», *ol* «80», нем. *Stiege* «20», русск. *сорок, копá* «50, 60»). Хотя Уленбек возражает против квалификации комплекса Б как «субстрата», я думаю, что такое его обозначение полностью оправдано. Понятие «смешанного языка» принесло языкознанию вреда гораздо больше, чем пользы, и от него следует отказаться.

1. *Rédei K.* Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten. Wien, 1986.
2. *Mallory J. P.* In search of the Indo-Europeans // *Language, archaeology and myth.* L., 1989.
3. *Kortlandt F.* The spread of the Indo-Europeans // *Journal of Indo-European studies.* 1990.
4. *Fodor I.* The main issues of Finno-Ugrian archaeology // *Ancient cultures of the Uralian peoples.* Bp., 1976.
5. *Kortlandt F.* PIE. *H- in Armenian // *Annual of Armenian linguistics.* 1984. 5.
6. *Kortlandt F.* Notes on Armenian historical phonology V // *Studia Caucasica.* 1987. 7.
7. *Janhunen J.* On early Indo-European-Samoyed contacts // *MSFOu.* 1983. 185.
8. *Collinder B.* Hat das Uralische Verwandte? Eine sprachvergleichende Untersuchung. Uppsala, 1965.
9. *Uhlenbeck C. C.* Oer-Indogermaansch en Oer-Indogermanen. Amsterdam, 1935.
10. *Pedersen H.* Armenisch und die Nachbarsprachen // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung.* 1906. 39.

Перевел с английского Хелимский Е. А.